

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a soldier in a swampy forest. The soldier is wearing a dark, wide-brimmed hat and a face mask, with only his eyes visible. He is dressed in dark tactical gear, including a vest with a red cross on a patch. His right arm is wrapped in white bandages, and he is holding a knife. The forest is depicted with gnarled, moss-covered trees and a murky, yellowish-green ground. The overall tone is dark and mysterious.

Владислав Майстро

В ЛЕСАХ
КРЕМЕННОЙ. КНИГА
ПАМЯТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Майстро

В лесах Кременной. Книга памяти

«Автор»

2026

Майстро В.

В лесах Кременной. Книга памяти / В. Майстро — «Автор», 2026

После тяжелого подрыва на Краснолиманском направлении и спасения на плечах боевого товарища, штурмовик с позывным Гарм оказывается в совершенно другом мире — мире длинных госпитальных коридоров, запаха хлорки и звенящей тишины, которая пугает сильнее минометных прилетов. Эта книга — продолжение фронтового пути автора, но теперь поле боя переместилось в палаты гнойной хирургии. Здесь, в курилках под сигаретный дым и на больничных койках, раненые парни со всех направлений делятся своими настоящими, не прилизанными цензурой историями. Танкисты, дронщики, связисты, медики и матерые штурмовики — десять пронзительных исповедей о выживании, боевом братстве и синдроме возвращения. Хроника того, как война выходит из тел вместе с кровью, и как штурмовой характер помогает держать удар на гражданке, когда самые близкие люди бьют в спину. Честно. Без прикрас. Памяти тех, кто не вернулся из лесов Кременной.

© Майстро В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Эластико (Продолжение)	5
Глава 1. Из грязи в кафель	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владислав Майстро

В лесах Кременной. Книга памяти

ПРОЛОГ. Эластик (Продолжение)

1- ГЛАВА

02.07.2025. В лесах Кременной на направлении "Щука" трава стояла по пояс. Июльский воздух был сухим и тяжелым, а мы уже чувствовали себя здесь как дома. Но у войны на этот счет всегда свои планы. ИО командира с позывным "К", который временно рулил процессом, пока старшего не было, отдал приказ идти через открытое поле. Трава высокая, скрывает всё. Я сделал всего несколько шагов вперед. Резкий, оглушительный хлопок разорвал тишину. Мозг еще не успел ничего сообразить, но тело, за месяцы штурмов и эвакуаций натренированное до состояния сжатой пружины, сработало быстрее мыслей. На чистом, абсолютном автоматизме я рванул всем весом и отскочил на метр назад, ломая спиной сухую траву, и рухнул на землю. В ту же секунду мир вокруг меня перестал существовать. Всё пространство в один миг окрасилось в глухой, непроглядный черный цвет. Вверх взлетел плотный столб выжженной земли, пороховой гари и мелкой, забивающей рот пыли. В ушах встал дикий, невыносимый звон, переходящий в тяжелый, давящий гул, сквозь который не пробивался ни один внешний звук. Я лежал на спине в этой черной туче. Адреналин ударил в кровь так, что боли я еще не чувствовал, но опыт эвакуатора уже кричал внутри: «Жгутуйся, сука, быстро!». Скользящими от грязи и копоты пальцами я выдернул жгут. Руки не дрожали — они делали то, что обязаны были делать. Я перетянул ногу выше колена, намертво зафиксировав узел, чтобы остановить фонтан крови из разорванной стопы. Одной рукой нащупал тангенту рации на плече, зажал её и хриплым, чужим голосом выдохнул в эфир:— Я Гарм. Я трехсотый. Подрыв...

Я остался один посреди бескрайнего поля. Трава скрывала меня с головой, и для всех вокруг я просто исчез. Рация на плече то и дело оживала. Из динамика прорывался знакомый голос Эластико. Он уже был на поле, бежал где-то совсем рядом, но в этих зеленых зарослях по пояс найти человека — всё равно что иголку в стоге сена.— Гарм! Братан! Я не вижу тебя! Кричи хоть что-нибудь, подай голос! — хрипел он в эфир. Я кричал. Изо всех сил, срывая связки, пытался перекрыть гул в собственных ушах. Но трава глушила звук. Тогда я понял: если буду просто лежать, я здесь и останусь. Собрал в кулак остатки воли, через дикую, разрывающую тело боль, я заставил себя перевернуться и встал на колени. Поднял руки вверх и начал отчаянно махать ими над травой. Этот жест сработал. Зашуршали стебли, и ко мне выскочил Эластик. Парень-муравей. В нем от силы было килограмм пятьдесят веса, во мне на тот момент — под восемьдесят шесть. Эластик мгновенно сориентировался: сбросил с меня тяжелую броню, чтобы облегчить вес, помог подняться. Закряхтел, ухватил меня, рывком закинул к себе на плечо, и мы пошли.— Тяжелый ты, Гарм, пипец... — тяжело дыша в предплечье, выдохнул он. — Придется делать много остановок. За один раз не дотащу.— Главное — не урони меня, брат, — тихо попросил я, цепляясь за его плечи. Первые двести метров дались ему на чистом упрямстве. Ноги Эластико подкашивались, но он шел. Первую остановку мы сделали прямо на поле, у сгоревшей БМП. Задние двери у неё были гостеприимно открыты. Он осторожно посадил меня на обгорелый металл. Руки тряслись у обоих. Мы достали сигареты и закурили. Этот дым на пороге смерти был самым вкусным в жизни. Чуть переведя дух, выдвинулись дальше. Следующий отрезок оказался длиннее — протащили метров пятьсот. Мы уже выходили к лесополосе, когда воздух разрезал знакомый, мерзкий, нарастающий жужжащий звук. Дрон. Летел прямо в нашу сторону. Эластик среагировал мгновенно:

скинул меня со своего плеча прямо на землю. Слава Богу, это была уже не голая «открытка» поля. Он резко затолкнул мое тело под один густой куст, а сам рыбкой прыгнул под соседний. Мы замерли, боясь дышать и шевелиться. Птица зависла над деревьями, покружила, выискивая тепловые силуэты, но нам дико повезло — дрон пролетел мимо. Когда небо снова опустело, мы выползли из-под веток. Сил идти дальше без передышки у Эластико просто не оставалось. Мы сели прямо там, в тени кустов, достали по второй сигарете и снова устроили перекур, молча глядя на небо...

Глава 1. Из грязи в кафель

1- ГЛАВА

Эпизод 1

Когда меня наконец вытащили с передовой, где Шаман, Чембур, Кощей и Пилюлькин совершили чудо и вернули мои кости на место, меня повезли по этапам эвакуации. В глаза бросился ослепительно-белый свет ламп прифронтowego госпиталя и холодный кафель. Вокруг суетились незнакомые тыловые медики. Послышался противный, резкий хруст ножиц: с меня безжалостно начали срезать пропитанную кровью и кременской грязью штурмовую форму. Когда лезвие подошло к руке, я из последних сил, хриплым голосом попросил:— Пацаны, браслет не трогайте. Повязку мою... С молитвой.

Они спорить не стали, аккуратно обошли запястье, оставив девяностый псалом на месте. А вот штаны дорезали под корень. Мой телефон и все документы так и остались лежать в карманах этих кромсанных, грязных тряпок. Их вытащили позже и просто бросили мне на каталку, прямо поверх больничной простыни. Это было всё, что осталось от моих штурмовых будней.

Дальше был Белгород. Мой первый постоянный тыловой госпиталь.Туда меня привезли полностью выжатым. Силы покинули тело подчистую. Всю дорогу в машине я спал, а когда меня переложили на белгородскую койку, просто провалился в глухое беспамятство.

Первые сутки не приходил в себя вообще — организм, который полгода жил на пределе возможностей под Кременной, просто выключился, почуяв относительную безопасность.Только на вторые сутки мне привезли инвалидную коляску. Без неё я был недвижимым куском мяса, а с ней — обрел хоть какую-то свободу и смог сам добраться до туалета.

Первое время еду мне носили прямо в палату, но потом я начал потихоньку выезжать в столовую.Белгородский госпиталь держался на волонтерах. Эти люди помогали нам как могли, тащили всё, что могло порадовать раненых парней. Больше всего в столовой меня удивили огромные пластиковые контейнеры, выставленные на столах. Они были доверху забиты конфетами, разным печеньем, пакетиками кофе "три в одном", заварным капучино, свежими булочками и пирожками с самыми разными начинками. Бери — не хочу.

После окопного рациона это казалось каким-то нереальным миром. Так же, как и сон на настоящей кровати с мягким матрасом и белоснежным постельным бельем. Правда, белым это белье оставалось очень недолго. Мои многочисленные осколочные раны постоянно сочились, лимфа мешалась с кровью, пропитывала повязки, и чистые простыни быстро покрывались бурыми, ржавыми пятнами. Фронт выходил из моего тела вместе с этой кровью.

В Белгороде я пробыл всего четыре дня. Дальше мой маршрут лег в Тулу. Именно там мне предстояло осесть на долгие месяцы, пройти через бесконечную череду операций и затяжное, мучительное лечение.В Туле меня определили в отделение гнойной хирургии. Закатали в небольшую палату, рассчитанную всего на двоих человек.

Я лежал на своей койке, приходя в себя после очередной дороги, когда с соседней кровати поднялся парень. Крепкий, сбитый.— Привет. Я Боксер, — негромко представился он. Посмотрел на мое пересохшее лицо и спросил: — Пить хочешь?Я только кивнул — в горле пересохло так, будто я наглотался песка на ЛЭП. Боксер протянул мне баночку обычной прохладной Колы. Я открыл её, сделал первый глоток, и внутри меня будто что-то взорвалось. На тот момент вкус этой колы раскрылся так, что она показалась мне самым вкусным, самым элитным напитком, который я когда-либо пробовал в своей жизни. Ни один дорогой алкоголь или ресторанный деликатес на гражданке никогда не сравнялся бы с той баночкой колы от соседа по палате гнойной хирургии...»

Эпизод 2

Боксер оказался мобилизованным. Это было уже не первое его ранение, мужик успел повоевать плотно. В этот раз ему досталось тоже от мины, но сам он не подрывался. Боксер шел в паре с товарищем, тот наступил на "сюрприз", а Боксеру прилетел попутный горячий осколок. Ювелирно зашел прямо в шею. В госпиталях хирурги долго крутились вокруг него, делали снимки, матерились, но вытаскивать металл так и не решились — осколок засел слишком близко к сонной артерии, любое неверное движение скальпеля означало мгновенную смерть на столе. Так и жил с этой железкой в горле. Служил он вообще на другом направлении, в совершенно другой армии, и боевая задача у него была из тех, что не попадают в пафосные новости, но без которых фронт встанет через день — Боксер на своем горбу таскал парням на самый передок провизию и ящики с БК.

Мы быстро нашли общий язык. Два штурмовика — пусть один бывший эвакуатор, а второй снабженец — всегда поймут друг друга без лишних слов. Правда, на тот момент, в июле двадцать пятого, я еще наивно верил, что это гнойное отделение — просто временный этап. О том, что кости в моей левой стопе уже начали медленно и необратимо гнить, я узнаю только через долгие полгода мучений и бесконечных консилиумов. А тогда тульские врачи просто готовили меня к первой серьезной чистке.

В Туле я пролежал всего пять дней, когда подошла дата. 10 июля. В этот день мне исполнилось двадцать пять лет. Свой юбилей я встретил не за праздничным столом с семьей и друзьями, а на жестком операционном столе гнойной хирургии под холодным белым светом бес-теневых ламп. Это был самый паршивый день рождения в моей жизни. Хирурги сработали быстро и сухо: ампутировали большой палец и подчистую вырезали первую плюсневую кость левой стопы. Когда я отошел от наркоза и посмотрел на уродливый, замотанный бинтами огрызок ноги, врач равнодушно бросил:— Теперь лежи и жди. Надо, чтобы мясо заново на костьросло. Как нарастет — будем делать пересадку кожи, закрывать дыру. И я стал ждать.

Это госпитальное ожидание — отдельная пытка. Дни сливались в недели, недели в месяц. Палата гнойного отделения стала моим маленьким миром. Только в конце августа меня снова закатали в операционную и провели пластику — пересадили кожу на стопу. А 3 сентября двадцать пятого года случилось то, во что я уже почти перестал верить. Врачи подписали документы и отправили меня в отпуск по ранению на реабилитацию домой. На целых сорок пять суток. Когда я выполз из госпитальных стен на костылях, вдохнул этот сентябрьский воздух и понял, что еду к детям, внутри будто пружина отпустила.

Сорок пять дней тишины, сорок пять дней без запаха гноя и больничной каши, сорок пять дней дома. На тот момент это было самым большим, чистым и невероятно приятным счастьем, которое только можно было представить...

Эпизод 3

Прежде чем рвануть домой, пришлось еще повозиться с бумагами. На костылях я добрался до части, написал рапорт, дождался, пока в штабе поставят все нужные печати, и наконец получил на руки заветный отпускной билет.

Свобода.

Купил билет на самолет из Нижнего Новгорода до Волгограда. Помню этот полет: гул турбин, облака за иллюминатором и стойкое ощущение, что я лечу в другую реальность. Из Волгограда сразу взял машину и двинулся в сторону родного дома. По пути просто не мог не завернуть к матери. Когда переступил порог, обнял её, отца, сестер и брата, внутри будто что-то окончательно оттаяло. Мы долго сидели, разговаривали обо всем на свете, обходя стороной

тему Кременского леса. Мне просто нужно было погреться о тепло родных людей. А потом я поехал к себе.

По приезду всё было просто замечательно. Никаких намеков на ту грязь, что начнется позже. Меня встретила жена, к ногам с визгом бросились дети. Мы не стали сидеть в четырех стенах — сразу решили ехать отдыхать. Первые две недели дома пролетели как один день, мимолетно и счастливо. Как раз подошли губернаторские и боевые выплаты за ранение. Посмотрев на баланс карты, мы с женой переглянулись, собрали чемоданы, купили билеты и всей семьей рванули в Сочи. Там, у моря, меня ждал еще один подарок судьбы.

В Сочи жил мой старший брат, с которым мы не виделись долгих шесть лет. Война и расстояние разводили нас, но госпитальный отпуск соединил обратно. Мы провели в Сочи три недели. Это было лучшее, по-настоящему незабываемое время в моей жизни. Шум прибоя, южное солнце, смех детей и долгие разговоры с братом — там, на побережье, я полностью, до самого доньшка, отошел от войны. Кошмары отступили, уши перестали ловить свист прилетов, а костыли казались просто временным неудобством. Но у любого, даже самого прекрасного сна есть свойство заканчиваться.

Три недели в Сочи пролетели как одна минута. Мы вернулись домой, и я с тяжелым сердцем осознал: сорокапятисуточный отпуск подошел к концу. На календаре догорали последние мирные дни. Пора было снова собирать дорожную сумку, брать в руки костыли и ехать обратно. Туда, где пахнет хлоркой, гноем и чужой болью. В госпиталь.

Я еще не знал, что впереди меня ждут полтора года бесконечных операций, гниение костей, суды и предательство. Но именно там, на новой госпитальной койке, когда затихнут дневные шаги в коридоре, пацаны начнут рассказывать свои истории. И я пойму, зачем я выжил.

Эпизод 4

По приезде из отпуска я явился в часть — понятное дело, не на передок, а в тыловую. На фронт меня с такой ногой никто бы не пустил, поэтому сначала меня определили в полк выздоравливающих. Но “выздоровливать” там было нечему — стопа упорно не хотела заживать, внутри постоянно что-то тянуло и горело. В штабе полка посмотрели на мои повязки, покрутили бумаги и выдали направление на очередную операцию. Только на этот раз везти решили не в привычный военный госпиталь, а в гражданскую клинику. Так я оказался в городе Ковров Владимирской области.

В Ковровской больнице я провел три недели. Чистые палаты, гражданские врачи, совсем другая атмосфера, не похожая на прифронтовые медбаты. Но именно здесь, за этими спокойными стенами, меня ждал самый жесткий удар. Меня в очередной раз закатили в операционную, дали наркоз и провели глубокую, тяжелую чистку. Врачи вскрыли стопу, чтобы убрать скопившийся экссудат.

Когда я отошел от операции, в палату вошел лечащий врач. Он долго смотрел на мои снимки, потом перевел взгляд на меня и произнес фразу, от которой внутри всё похолодело:— Владислав, плохие новости. У вас сломанная кость в стопе начала потихоньку гнить. Развивается остеомиелит.

Это был приговор. Гнойная хирургия Тулы, ампутация пальца, пересадка кожи в августе — всё это оказалось лишь началом. Впереди маячил бесконечный, изнурительный марафон борьбы за собственную ногу, который затянется на полтора года. Именно там, в Коврове, лежа на койке после этой новости, я впервые открыл заметки в телефоне.

Вокруг меня в палатах снова были парни с поломанными судьбами. Кто-то молчал, уставившись в стену, кто-то глушил страх черным госпитальным юмором. И я понял: раз уж судьба оставила меня в живых и заперла в этих белых стенах, я не имею права просто лежать и жалеть себя.

В моих руках был телефон, а в памяти — лица тех, кто навсегда остался в лесах Кременной, и тех, кто сейчас гниет со мной в соседних палатах. Я занес пальцы над экраном и написал первую строчку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.